

IN MEMORIAM

УДК 316-051+929Кугель

СОЦИОЛОГ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Самуил Аронович КУГЕЛЬ

(25 октября 1924 г. – 13 сентября 2015 г.)

Конец сентября 2015 г., прошло немногим более двух недель после смерти российского социолога первого призыва Самуила Ароновича Кугеля. Он был первым в СССР ученым, который в 1973 г. защитил докторскую диссертацию по философии по специальности «прикладная социология». Работа называлась «Социально-профессиональная структура и мобильность научных кадров в условиях научно-технической революции (методологические проблемы и опыт социологического исследования)». Он провел множество исследований по социальной структуре, стал признанным лидером в области социологии науки и науковедении, создателем Международной школы социологии науки и техники, или Школы Кугеля. Только что успешно завершилась очередная, XXXI, сессия Школы, первая без ее основателя.

С.А. Кугель носил высокое звание заслуженного деятеля науки РФ. Его исследовательская и педагогическая деятельность были отмечены премией имени С.Ф. Ольденбурга (2004), серебряной медалью имени Питирима Сорокина «За вклад в науку» (2009), почетным знаком «За вклад в историю науки и техники» (2012), золотой медалью Российского общества социологов (2014). Друзья и коллеги, проработавшие с ним многие годы, признавая его мудрость и возраст, называли его папа Кугель.

Жизнь С.А. Кугеля – пример гражданского мужества, глубоко патриотизма, многолетнего служения науке и личной скромности. А в последний путь его проводили с воинскими почестями, как и положено офицеру-фронтовику.

Время слов соболезнования по случаю смерти Кугеля ушло, приходит время внимательного изучения его наследия. Настоящий текст не является некрологом и не нацелен на анализ исследований Кугеля в области социологии. Кугель был публичной фигурой, главные события его жизни и представительная библиография его работ отражены в специальной брошюре [Кугель, 2006], биографические материалы можно найти и в издававшемся им журнале «Социология науки и технологий». Мне хотелось бы, обращаясь к его воспоминаниям и интервью с социологами, стоявшими у истоков современного этапа российской социологии, коснуться малоизученной темы: влияния Великой Отечественной войны на сознание представителей этой когорты нашего профессионального сообщества. Эта тема потому представляется мне важной, что, не раскрыв значения следов войны в миропонимании социологов, родившихся в середине-конце 1920-х, сложно понять, каким образом политическая оттепель, наступившая в СССР через 10 лет после завершения войны, породила

социологию. Прожитое Кугелем и его повышенное внимание к развитию науки как таковой делают рассмотрение в настоящем тексте соответствующей группы вопросов более чем уместным.

Со смертью Самуила Ароновича Кугеля в нашей социологии осталось лишь несколько участников Великой Отечественной войны. Конечно, время меняет отношение общества, населения и социологов к этому событию – это четко просматривается в интервью с социологами разных поколений. Один характер отношений мы видим в воспоминаниях социологов первых двух-трех поколений (родившихся не позже 1946 г.) и иной – в биографических интервью с представителями VI поколения (родившихся в 1971–1982 гг.) и, тем более, VII когорты, годы рождения которых заключены в следующий временной интервал – 1983–1994 гг. Если самые старшие участвовали в войне или ежедневно следили за происходившим на военных фронтах и помнят, как в их семье приходили похоронки, то для самых младших война – это фон детства и юности их бабушек и дедушек.

Но одно очевидно – для социологов, заложивших основы советской социологии, война многое определила в их жизни, в их миропонимании, в их гражданской позиции. Письмо В.А. Ядова (1929–2015), в котором он подводил итоги прожитого, завершается словами: «Что не успел сделать? Все, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю... О чем жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт»¹. Отвечая на мой вопрос в интервью о том, какой след в его сознании оставила война и изменили ли его отношение к ней новые материалы о том периоде, В.Э. Шляпентох (1926 г.р.), уже многие годы живущий в США, писал: «Я войну очень хорошо помню. И тогда, и сейчас я считаю, что это была действительно народная война против нацистской Германии. И никакие новые материалы не изменили моего отношения к войне, которое сложилось у меня в то время, когда я воспринимал каждый салют в честь освобождения города как свою личную удачу» [Шляпентох, 2014: 129].

Особая теплота отношений Шляпентоха и Ядова с Владимиром Николаевичем Шубкиным (1923–2010) была не только следствием признания ими значительности исследований Шубкина в области социологии образования, но и уважением его фронтового опыта. Так, несколько лет назад Ядов написал эссе, озаглавленное «Как командир орудия сержант Шубкин, ныне главный научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии» [Ядов, 2010].

В беседе со Шляпентохом я попросил его рассказать о Шубкине:

– Ты не раз уже вспоминал Володю Шубкина. К сожалению, он давно и тяжело болен, и потому не приходится рассчитывать на беседу с ним. Им многое сделано в науке, и он подтолкнул тебя к социологии. Когда Грушин и Ядов говорят о нем, у них глаза теплеют. Не можешь ты рассказать о Шубкине как о социологе и человеке?

В ответе Шляпентоха просматривается его глубочайшее уважение к Шубкину как к ученому и гражданину. Ответ – достаточно развернутый, приведу лишь три его фрагмента.

«Это самый приятный моей душе вопрос, который ты мне задал. Шубкина я всегда любил нежно, и, по правде говоря (мы это оба любили повторять), у нас всегда было морально-политическое единство.

Володя был и остается для меня воплощением человеческого достоинства. В моей теории Шубкина чувство собственного достоинства является тем базисом, на котором возвышается надстройка с большинством его личных качеств.

¹ Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 8 октября 2013 г.

Новосибирские исследования текучести рабочей силы в 1960-е были, по сути, несколько крамольны, ибо в них шла речь не о бескорыстных ядовских ленинградских молодых рабочих, а о советских трудягах, готовых немедленно поменять место работы ради дополнительных 10–20 рублей, особенно, если на новом месте работы обещали жилье. И все-таки и эти исследования нельзя сравнить с тем, что сделал Шубкин, который прямо и однозначно объявил полной туфтой фундаментальный тезис официальной идеологии о руководящей роли рабочего класса. Отмечу, шубкинское исследование было первым, вызвавшим бурную реакцию на Западе, где сразу прекрасно поняли его идеологический заряд».

Еще большее значение, чем для родившихся в конце 1920-х, имела война в жизни Кугеля – ведь участие в боевых действиях, сильнейшие испытания, пережитые им, стали началом его взрослой, сознательной жизни.

Накануне своего 90-летия в интервью В.М. Ломовицкой, проработавшей с Кугелем многие годы, Самуил Аронович вспоминал, что он и его друзья узнали о войне 22 июня 1941 г. из радиовыступления В.М. Молотова, которое они услышали, гуляя по Невскому проспекту Ленинграда. А собственное участие в войне он отсчитывал с 23 июня, когда его и других старшеклассников срочно отправили на Карельский перешеек рыть противотанковые рвы. Школу он окончил в небольшом городке Шуе Ивановской области и там же – военное училище, после которого, оценив его знания немецкого языка, его оставили на спецкурсы Главполитуправления Красной Армии. По завершению обучения, он был направлен в действующую армию (сам просил отправить его туда, «где наступают»), в стрелковую дивизию, которая в тот момент форсировала Днепр. Затем он участвовал в освобождении Украины, Молдавии, в боевых действиях, проходивших в Румынии, Венгрии и Чехословакии. Свою первую награду – орден Красной звезды – Кугель получил в боях за освобождение Украины, когда ему не было и 20. На фронте он был до конца Великой Отечественной войны [Кугель, 2009].

Известны слова В.А. Ядова, с которыми могли бы согласиться социологи первых трех поколений: «Мы все – самоучки в социологии» [Ядов, 1999: 61]. Это абсолютно точное выражение, относящееся к характеру профессионального обучения и становления. Но когда я читал мемуары С.А. Кугеля «Записки социолога», я не мог не обратить внимание на сказанное им в начале своего повествования: «Социологом нельзя стать. Им нужно родиться» [Кугель, 2005: 13].

Осенью 2014 г. мне удалось провести очень краткое интервью с Кугелем, и начиналось оно следующим диалогом:

– Самуил Аронович, Ваша книга начинается со слов «Социологом нельзя стать. Им нужно родиться» [Кугель, 2005]. Это очень сильное и образное утверждение. Какой смысл Вы вкладываете в эти слова?

– Да, я писал, что социологом нужно родиться. Вы правы, говоря, что это, в известной мере, образное выражение, но не только. Я хотел подчеркнуть, что подлинный социолог целиком отдается социологической теории и прикладным социологическим исследованиям, стремясь получить результаты. Я имел в виду именно это, когда писал, что социологом нужно родиться.

В этом утверждении Кугеля, на мой взгляд, просматривается не инструментальный аспект деятельности социолога, но этический: «Назвал себя социологом, будь честен перед собой и обществом»,

Но мое понимание слов «Им нужно родиться» отлично и от интерпретации Кугеля, и от смысла слов Ядова. Я увидел в них не указание на технологию превращения философа, историка, экономиста и т.д. в социолога (по Ядову), не элемент этического кода социолога (по Кугелю), но принципиально иное – указание на генезис некой новой самоидентификации и какие-то личностные подвиги. К сожалению, у меня не было возможности поделиться с Кугелем и Ядовым своим пониманием «Им нужно родиться». Но оно кажется мне интересным в рамках историко-социологических поисков, ибо приближает нас к пониманию неких глубинных механизмов, которые двигали первопроходцев к социологическому (теоретико-эмпирическому) познанию социального мира.

Как и почему, после каких боевых ситуаций, в которых пехотному офицеру Кугелю повезло выжить, родился социолог Кугель? Наверное, он сам не мог бы сказать. Что-то накапливалось, аккумулировалось, рациональное соединялось с эмоциональным, требовало выхода. От чего-то надо было *освободиться*, почувствовать себя *свободным*. Во всяком случае в самом начале 1950-х в одном из центральных армейских журналов 28-летний капитан Кугель опубликовал статью с элементами социологического подхода: статистика, анализ реальных фактов.

Нечто подобное происходило на фронте с солдатами и молодыми лейтенантами, которые в первые послевоенные годы обратились к поэзии, прозе, изобразительному искусству, чтобы высказать пережитое ими. Из известных нам сегодня деятелей культуры, ярко заявивших себя в послевоенные, точнее в оттепельные, годы, я отобрал лишь фронтовиков, родившихся в 1924 г. Они не нуждаются в особом представлении: поэты Юлия Друнина, Булат Окуджава и Николай Старшинов, прозаики Юрий Бондарев, Виктор Астафьев и Василь Быков, скульптор Вадим Сидур. Как и Кугелю, в год начала войны им было по 17, кто-то уже пробовал себя в том, что позже стало его профессией, а в ком-то потребность освободиться от накопившегося в стихах, прозе, рисунках родилась именно на фронте.

Пережитое поэтами-фронтовиками быстро и – главное – глубоко осваивалось теми, кто был немного моложе их и потому не участвовал в войне, но многое познал в старших классах и в первые студенческие годы.

Так, прочитав некоторые куски рукописи мемуаров Татьяны Ивановны Заславской (1927–2013), я спросил ее в интервью:

– Примечательны и Ваши записки о посещении студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых Павел Топер и Ярополк Семенов читали стихи поэтов серебряного века. В студии Вы слушали Гудзенко, Межирова, Солоухина, Коржавина, Тушнову, Некрасову, Друнину... поэтов, позже передавших в своих стихах войну и дух оттепели... Социологи Вашего поколения отмечают, что стихи поэтов-фронтовиков многое определили в их мировоззрении. Вы разделяете их точку зрения?

Приведу ее ответ:

– Встречаться с молодыми поэтами, слушать сначала их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войной мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в

высшем смысле слова – они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям [Заславская, 2012: 20].

В 1944 г., после окончания 8-го класса В.А. Ядов учился в авиационной школе в Ленинграде. Подобно многим ребятам того времени, он стремился на войну, но по состоянию здоровья был отчислен из училища. Однако память о войне всегда присутствовала в нем – на дружеских застольях он нередко пел трагическую песню Александра Галича «Ошибка», более известную как «Мы похоронены где-то под Нарвой...»:

*Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь – не вода!
Если зовет своих мертвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит – беда!*

Конечно, можно сказать, что выбор Борисом Андреевичем Грушиным (1929–2007) в качестве темы первого опроса общественного мнения (10–14 мая 1961 г.) проблемы предотвращения новой войны случаен. Но если принять во внимание, что главным редактором «Комсомольской правды», от имени которой и проводился опрос, был ленинградец-блокадник, поэт Юрий Воронов (1929–1993), автор известных слов «Им в 43-м выдали медали и только в 45-м паспорта», соображение о случайности отпадает. Ясно, что они искали ту проблему, которая для них была самой важной.

Однозначно, война сделала А.Г. Здравомыслова (1928–2009) философом, а оттепель – социологом. Обратимся к интервью с ним:

– Отец и маленький братец погибли от голода в блокаду <...> Блокада оказалась вписана в мое тело. С 1944 по 1948 г. я пролежал в больнице с туберкулезом позвоночника. Там же окончил школу и поступил на заочное отделение философского факультета ЛГУ: опыт болезни располагал к философствованию о смысле жизни. Память об отце была внутренним мотивом выбора. Он успел мне передать стремление к знаниям. <...> Мне пришлось заново учиться ходить: вначале на костылях, потом с палочкой и в корсете. В таком виде я и появился на факультете в начале 1949 г., во втором семестре. <...> Комплекс неполноценности мне удалось преодолеть лишь к 4-му курсу [Здравомыслов, 2012: 53].

Теперь обратимся к словам Здравомыслова об оттепели и становлении социологии. На мой вопрос о том, из чего вышла книга «Человек и его работа», он ответил:

– Конечно, можно было бы сказать, что весь этот проект возник из ничего, как ты говоришь про Грушина. Более того, можно сказать, что он возник из ничего при помощи Гуда и Хатта! Но с этим я не могу согласиться. Что дали нам Гуд и Хатт? Они вооружили нас методами, т.е. грамотными средствами реализации идей, которые сформировались у нас самих. <...> Наши исходные установки – сопоставить идеи и социальную реальность – были результатом влияния культуры, пульсировавшей в обществе, результатом жизни в той духовной атмосфере, которая была связана с оттепелью, с возникновением первых ростков свободы мысли (не случайно В. Ядов в интервью, по сути дела, рассказывает о своем превращении из хунвейбина

в либерала). <...> Я убежден, что и Зиновьев, и Грушин, да и Мамардашвили <...> произошли из атмосферы оттепели. Только поняв этот момент, можно продолжать дискуссию о традициях. Возникла ли оттепель как феномен культуры из ничего или у нее были некие культурные предпосылки в российской истории? Это <...> самый главный вопрос! Для того чтобы на него ответить, необходимо проанализировать духовную атмосферу того времени и показать ее связь с движением наших чувств и мыслей. Такое исследование в области исторической социологии крайне необходимо [Здравомыслов, 2012: 65].

И далее – ключевое утверждение Здравомыслова:

– Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х гг. лишь по трем упоминаниям В. Ленина. Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х гг. не было: сталинские репрессии прервали эту связь, но все же сохранился некий культурный капитал, который передается и осваивается вместе с переживанием и осмыслением опыта становления личности [Здравомыслов, 2012].

Это очень ценное, многослойное замечание Здравомыслова, в последние годы жизни много размышлявшего об истории социологии. Главной точкой нашей дискуссии был вопрос о генезисе послевоенной советской социологии. Опуская ряд деталей, можно сказать, что Здравомыслов был сторонником концепции *возрождения* российской социологии, тогда как я начинал развивать точку зрения, согласно которой в период оттепели произошло *второе рождение* российской социологии. Различие здесь в том, что в механизме становления советской социологии на рубеже 1950–1960-х гг. я акцентирую внимание на логической и научно-коммуникационной стороне вопроса, тогда как Здравомыслов – на социокультурной, на роли духовной атмосферы.

Но мое стремление привести *единую интерпретацию* утверждения С.А. Кугеля о том, что социологом нужно родиться, и общеизвестного положения о том, что именно оттепель дала возможность родиться «окопной», или «лейтенантской», прозе и заявить о себе поэтам-фронтовикам по сути содержит своего рода *двуслойную* концепцию генезиса советской социологии. Несомненно: 1) это было *второе* рождение российской социологии, и 2) ее родителями стали личности, пережившие войну, *внутренне свободные* и принявшие дух политической оттепели.

Победа дала 20-летним фронтовикам чувство свободы. Они были и чувствовали себя победителями. А тем, кто был на несколько лет моложе их, – чувство причастности к той победе. Вспомним слова Шляпентоха, воспринимавшего каждый победный салют как личную удачу. О том же слова Бориса Максимовича Фирсова (1929 г.р.), который пережил в Ленинграде все 900 дней блокады: «Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком» [Фирсов, 2012: 535]. Он учился в Ленинградском электротехническом институте имени В.И. Ульянова (Ленина) (ЛЭТИ) и так вспоминает те годы:

«Служение ЛЭТИ было нравственным императивом институтской профессуры и через нее – ядра студенческой массы, состоявшей из двух частей. Одна из этих частей – фронтовики, хорошо знавшие цену жизни, право на которую они отстаивали на фронтах войны. Их целеустремленность заражала. Вторая часть – вчерашние школьники, но с опытом переживания тягот военных лет, представители первого в советской истории непоротого поколения, с пробудившимся интересом к культуре, литературе, театру, спорту, джазу. Им, а

правильнее сказать в первом лице – нам, мне, еще предстояло пережить шок от ужасов сталинского прошлого. Не ведая, когда наступит прозрение, мы радостно глотали жизнь, оберегаемые родительской любовью и мудростью.

Самуил Аронович Кугель всего полтора месяца не дожил до своего 91-го дня рождения. Закончилась его биография, началась постбиография. А как она сложится, уже в большей степени зависит от нас, прежде всего от тех, кто долгие годы работал непосредственно с ним, кто знает и понимает ориентиры и характер его исследований, кто осознает, какая это была удивительная личность. Но и, конечно же, от того, как в России будут развиваться и наука, и социология.

Литература

- Заславская Т.И. Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука // Докторов Б.З. Современная российская социология... Т. 2. 2012. С. 16–49.
- Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Докторов Б.З. Современная российская социология... Т. 2. 2012. С. 50–88.
- Кугель С.А. Записки социолога. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005.
- Кугель С.А. Развитие науки зависит от взаимодействия социальных и когнитивных факторов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 2–10.
- Самуил Аронович Кугель / Сост. К.С. Ерохина, Н.А. Ащеулова; авт. вступ. ст. Ю.С. Васильев, Вл.Ж. Келле. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. (Материалы к биобиблиографии историков науки и техники; Вып. 4.
- Фирсов Б.М. ...О себе и своем разномыслии... // Докторов Б.З. Современная российская социология... Т. 2. 2012. С. 535–566.
- Шляпентох В.Э. Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев // Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6 т. [электронный ресурс] / Ред. электр. изд. Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=389#>. Т. 2. С. 128–182.
- Ядов В. Как командир орудия сержант Шубкин, ныне главный научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии // Троицкий вариант. 11 мая 2010 г. № 53 (11 мая 2010 г.). С. 10.
- Ядов В.А. Мы все – самоучки в социологии // Российская социология шестидесятих годов в воспоминания и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.